

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИТИКИ
НЕМАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ И В. И. ЛЕНИНЫМ

ПОЛЕМИКА Г. В. ПЛЕХАНОВА С БУРЖУАЗНЫМИ
И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫМИ СОЦИОЛОГАМИ

Идеи марксистской социологии благодаря Г. В. Плеханову получили широкое распространение в России. Плеханов пользовался большой известностью и в странах Западной Европы. Его работы знали Энгельс, Лафарг, Лонге, Бебель и др. В России Плеханов стал первым критиком-марксистом буржуазной и мелкобуржуазной социологии. В. И. Ленин высоко ценил его философско-социологические произведения.

Г. В. Плеханов был глубоким и разносторонним знатоком как западноевропейской, так и русской буржуазной и мелкобуржуазной социологической и философско-исторической литературы. В его личной библиотеке, состоящей из шестнадцати с половиной тысяч томов, находится большое собрание книг по социологии с его замечаниями и пометами. Среди работ по социологии значатся книги западноевропейских теоретиков — Бенгтама, Зиммеля, Зомбарта, Риккерта и мн. др., а также русских социологов — книги народнических теоретиков, М. М. Ковалевского, Л. И. Мечникова, Е. В. Де Роберти, П. А. Кропоткина и др. В связи с написанием «Истории русской общественной мысли» он обращается к изучению литературы о славянофилах, западниках. В книгах по социологии на полях он делает многочисленные замечания.¹

В одном из вариантов своей рецензии на книгу Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» Плеханов, критикуя субъективную школу в социологии, писал, что его взгляд на русскую социологию предполагает высокое понятие об успехах отечественной литературы. «Субъективные социологи признают существование только одной социологической школы в нашем отечестве, именно той, которая придерживается любезного им „метода“. По нашему же расчету, в России оказывается целых две социологических школы: во-первых, школа, занимающаяся делом и пользующаяся обыкновенным человеческим индуктивным

методом; во-вторых, школа, занимающаяся „поправками“ и признающая вместо индукции субъективный метод. По нашему расчету, Россия оказывается богаче социологическими школами, а следовательно, и процветание отечественной литературы тем вернее становится вне всякого сомнения».²

Как на яркий пример литературы первой русской социологической школы Плеханов ссылался на указанное произведение Мечникова, являющееся, по его мнению, важным приобретением для науки.

В своих произведениях, начиная с самых ранних, как «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884), Плеханов противопоставил буржуазной и мелкобуржуазной социологии исторический материализм — марксистскую социологию. Он писал, что благодаря перевороту в науке, совершенному Марксом и Энгельсом, «нет ни одной отрасли социологии, которая не приобретала бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды».³ Марксистская социология материалистична. Научный социализм, указывал Плеханов, изгоняет идеализм «из его последнего убежища — социологии, в которой его принимали с таким радушием позитивисты».⁴

Философско-исторические взгляды Маркса, подчеркивал он, «обнимают всю культурную историю человечества».⁵ Универсальный характер марксистской социологии находится в теснейшей связи с тем, что она прежде всего имеет методологическое значение. Плеханов ссылался на Маркса и Энгельса, которые, по его словам, «придают гораздо большее значение методу исследования общественных явлений, чем данным его результатам. Ошибка в результатах непременно будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких частных случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой частной истине».⁶

В полемике с буржуазными и мелкобуржуазными социологами Плеханов выдвигал это положение на передний план. Он ссылался также и на Чернышевского, который при решении многих социальных проблем большое внимание уделил именно методу диалектическому.⁷ Его же последователи, замечает Плеханов, не поняли этого.

² Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. I. М., 1973, с. 27—28.

³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I. М., 1956, с. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 72.

⁶ Там же, с. 172.

⁷ Плеханов, читая работу Иванова-Разумника «История русской общественной мысли», решительно выступил против попытки автора представить Герцена и особенно Чернышевского в качестве предшественников субъективного метода народника Михайловского. Иванов-Разумник писал: «И если мы уже в Герцене видели зачатки того „субъективизма“, которому суждено было дать пышный цвет в 70-х годах, то Чернышевский по своим

¹ См., например: Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. — ГИБ, Архив Дома Плеханова (далее АДП), ед. хр. Д. 6214; Кавелин К. Д. Собр. соч., т. III. СПб., 1899. — Там же, ед. хр. Б. 3760; Максимович Г. А. Учение первых славянофилов. Киев, 1907. — Там же, ед. хр. В. 4443, и мн. др.

Плеханов всюду называл исторический материализм марксистской социологией, методологическим инструментом которой является диалектический метод. Он глубоко аргументировал положение, согласно которому «до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника».⁸

Марксистская социология — наука, вскрывающая объективные, наиболее общие законы исторического процесса. Плеханов подверг обоснованной критике субъективизм Штаммлера и Бернштейна. Последний писал: «Социология прежде всего спрашивает: для чего?, т. е. по существу субъективна. В этом заключается принципиальное различие между обществоведением и естествознанием».⁹ Полемика Плеханова с Бернштейном вокруг вопроса: «возможен ли социализм как наука?» — принадлежит к ярким и глубоким произведениям Плеханова, в которых обоснован научный характер марксистской социологии.

В ответ на утверждения противников исторического материализма о том, что социология не наука, так как не в состоянии предвидеть ход истории, Плеханов указывал, что социология марксизма — наука предвидящая. Это есть ее особая черта в отличие от социологии буржуазных теоретиков.

Возражая противникам марксистской социологической теории, Плеханов высказал мысль, что они смешивают два различных понятия предвидения. «Социологическое предвидение, — писал он, — отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов».¹⁰ Проблема научного предвидения, как важнейшая теоретическая и практическая проблема марксистской социологии, интересует Плеханова в течение всей его деятельности. Он неоднократно обращается к ней в своей критике ревизионизма Бернштейна, Струве и др. В критических замечаниях в адрес буржуазных социологов в его пометах на книгах Риккерт, Масарика и других Плеханов обстоятельно обосновывает марксистское учение о предвидении.

В анализе содержания марксистской социологии Плеханов обращает внимание на два ее аспекта: теоретический и методологический. Ссылаясь на Энгельса, он подчеркивал, что «материали-

стическое объяснение истории имело прежде всего *методологическое значение*».¹¹ Огромное внимание Плеханов уделяет вопросу опровержения фальсификации со стороны буржуазных социологов, философов, историков и экономистов диалектического метода марксистской социологии. В его пометах на страницах книг буржуазных теоретиков подчеркивается, что последние при рассмотрении метода марксизма ложно отождествляли его с идеалистической диалектикой Гегеля или отрицали значение диалектики вообще. Читая книгу М. И. Туган-Барановского «Очерки из новейшей истории политической экономии», Плеханов обращает внимание на то, что автор не понимает значения диалектики для исследований Маркса в «Капитале». Он делает замечание на полях: «Туган не имеет понятия о диалектике».¹²

Плеханов вскрывает фальсификации Н. А. Бердяева по вопросам философии материализма, философии истории славянофильства и характеристики диалектического материализма. По поводу последней он делает замечание: «„Философский позор диалектического материализма“ — такова критика, подсказываемая Бердяеву его „целостным духом“. Она похожа на брань».¹³

Плеханов, следуя за Марксом, анализирует все важнейшие узловые проблемы марксистской социологии, конкретизирует, а в ряде случаев творчески их развивает.

Ганна Темкинова в своей рецензии на выпуск произведений Г. В. Плеханова в «Истории русской общественной мысли» на польском языке справедливо подчеркивает, что Плеханов ожидал новаторских результатов от применения «основных принципов к исследованию различных сфер общественного сознания, к таким областям, как право, эстетика, история. Понимая так задачи марксистского исследования, Плеханов эти задачи также ставил перед собой, и его исследования истории русской философской и общественной мысли, которую он впервые анализировал с позиций марксизма и при помощи классического марксистского метода, являются интересной попыткой их осуществления».¹⁴

Исторический материализм в применении к общественным наукам вовсе не представляет собой готовых и законченных выводов. Его ценность заключается в диалектико-материалистическом подходе к изучению общественных явлений. В рецензии на книгу Фр. Лютгенау «Естественная и социальная религия (теория религии с материалистической точки зрения)» Плеханов, отмечая недостатки и ошибки автора, писал: «Материалистическое объяснение истории представляет собою *только метод*, ведущий к позна-

¹¹ Там же, с. 146.

¹² Туган-Барановский М. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб., 1903, с. 298. — ГПБ, АДП, ед. хр. А. 1504.

¹³ Бердяев Н. А. С. Хомяков. М., 1912, с. 120. — ГПБ, АДП, ед. хр. Б. 3626.

¹⁴ Temkinova H. Plekhanov i «modle marksizmus». — «Studia Filozoficzne», 1967, № 4, s. 169.

воззрениям стоит еще ближе к этому „субъективному методу“. Плеханов на полях оставляет ироническое замечание: «Чернышевский — предтеча Михайловского! Тогда Фейербах и Маркс тоже предтечи Михайловского!» (Иванов-Разумник [Иванов Р. В.]. История русской общественной мысли, т. 2. Изд. 2-е, доп. СПб., 1908, с. 17. — ГПБ, АДП, ед. хр. D. 6156.)

⁸ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 636.

⁹ Бернштейн Э. Очерки по истории и теории социализма. СПб., 1902, с. 120.

¹⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III. М., 1957, с. 50.

нию истины в области общественных явлений, а вовсе не конгломерат готовых, законченных выводов».¹⁵

Большой интерес и научную ценность имеют выступления Плеханова против многочисленных буржуазных фальсификаций исторического материализма.

В книге П. Н. Миллюкова «Очерки по истории русской культуры», в которой утверждалось, что согласно материалистическому пониманию истории «все содержание истории сводится к развитию материальных потребностей», Плеханов на полях делает пометки: «Все это пустяки», «Это вздор».¹⁶ Он отвергает эклектическую точку зрения Миллюкова, который, беря за исходный пункт человеческую природу, рассматривает исторический процесс как взаимодействие его различных сторон. Плеханов спрашивает: «Почему же развивается человеческая природа?»¹⁷

В основе действительной философии истории лежит прежде всего понимание объективных начал исторического процесса, что раскрывается историческим материализмом. «Философия истории» Маркса поэтому представляет собой науку, имеющую дело с реальными закономерностями исторического процесса, а вовсе не с предположениями, выведенными из чистого разума.

Плеханов выступил за необходимость научного осмысления исторического процесса. На полях упомянутой книги Миллюкова «Очерки по истории русской культуры», где последний пишет: «Философия истории спешит отделить свое дело от дела науки и требует для себя, во имя идеала, априорного права прикидывать к истории идеальную мерку и судить исторические явления нравственным судом», — Плеханов спрашивает: «Какая же это „философия истории“?»¹⁸

Плеханов отверг домыслы буржуазных теоретиков, сводивших марксистскую социологию к субъективистской философии истории и противопоставлявших ей науку.

В своем ответе буржуазным критикам Плеханов обнажает гносеологическую основу их фальсификаций: буржуазные теоретики, исходя из идеалистических представлений, неправильно истолковывали соотношение объекта и субъекта в историческом процессе и в то же время ложно изображали марксизм как вульгарный экономизм, приписывая Марксу и Энгельсу отрицание роли активной творческой силы общественного сознания в историческом процессе. На этом строилась вся система аргументации против исторического материализма — ложная в своем исходном тезисе.

Плеханов отвергает все попытки буржуазных теоретиков, в частности Риккерта, изолировать общее от единичного, особенного. Конкретное содержит не только своеобразие формы и со-

¹⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III, с. 302.

¹⁶ Миллюков П. Очерки по истории русской культуры, ч. I. СПб., 1896, с. 3. — ГПБ, АДП, ед. хр. 4452.

¹⁷ Там же, с. 4.

¹⁸ Там же, с. 7.

держания, но и общее. На полях книги Г. Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» Плеханов делает следующее замечание: «Он признает, что история должна исследовать связь своих обществ с окружающей средой... Хорошо. Но возможно ли такое исследование без апелляции к общему? Нет. И выйдет, что история есть действительность, рассматриваемая с точки зрения общего».¹⁹ Плеханов, следуя Марксу, подчеркивал диалектику общего, единичного, особенного, их противоречивое взаимодействие.

Решение проблемы диалектического соотношения общего и особенного является весьма важным. Без правильной логической установки в этом вопросе невозможно теоретически и практически руководить социальными и идеологическими процессами развития.

Неоднократно говоря о необходимости конкретно-исторического подхода к изучению общественных явлений, Плеханов тем не менее иногда изменял этой важной стороне диалектического метода, что особенно заметно при решении им практических и отчасти теоретических вопросов в период его меньшевизма. Этим в сильной степени грешит его большая работа «История общественной мысли в России», в которой многие вопросы он решает абстрактно, дедуктивно, отрывая их от индуктивного, конкретно-эмпирического рассмотрения. У него происходит в этом случае формально-логический разрыв противоположностей общего и особенного. В указанном произведении, например, Плеханов, увлекшись идеей европеизации России, иногда теряет из виду ее конкретно-исторические особенности.

Марксистская социология, как и любая социальная наука, имеет дело с законами развития общества. По Плеханову, социологические законы имеют наиболее общий характер по сравнению с законами истории. Они всеобщие. Выступая против утверждения Л. А. Тихомирова о самобытном развитии России, он подчеркивал, что «никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов».²⁰

В связи с этим Плеханов разоблачает фальсификацию взглядов марксизма, касающихся социальных законов. Общественные законы не фатальны. «Законы общественного развития, — замечает он, — так же мало могут осуществляться без посредства людей, как законы природы без посредства материи».²¹ Таким образом, рушилось обвинение народнических социологов в бездейтельном якобы отношении марксистов к общественной жизни, в квиетизме, как и позднейших буржуазных «критиков», выискивавших «противоречия» в марксистской теории, которой приписывалась проповедь «автоматизма» исторического процесса, а действиям

¹⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1914, с. 113. — ГПБ, АДП, ед. хр. Б. 3704.

²⁰ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. I, с. 304.

²¹ Там же, с. 490.

марксистов, напротив, «организация» политических партий и классовой борьбы.

Значителен вклад Плеханова в области глубокого и всестороннего анализа идеологической надстройки. В своих произведениях он вскрывает сложный механизм связи надстройки с базисом, конкретизирует закон относительной самостоятельности в развитии идеологии, различные опосредованные связи надстроечных явлений с базисом. «В области идеологии, — писал Плеханов, — многие явления могут быть только косвенным образом объяснены влиянием экономического движения. Это очень часто забывают не только противники, но и сторонники исторической теории Маркса».²² Необходим анализ промежуточных исторических инстанций. Плеханов подчеркивал, что материалистическое понимание истории всегда имеет в виду связь и зависимость надстроечных явлений от базиса *в конечном счете*, причем часто на больших отрезках исторического развития. Под этим углом зрения он рассматривал различные исторические этапы развития права, морали, искусства, философии. Он категорически восставал против вульгаризации решения данной проблемы. Путь поворота в общественных отношениях от одной точки к другой в историческом процессе, отмечал Плеханов, всегда лежит через надстройку. В своей известной рецензии на книгу В. М. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» он подверг бичующей критике вульгарную позицию автора. Таким образом, Плеханов исключительно глубоко ставит вопрос о диалектическом соотношении экономики и надстройки, закрывая буржуазным социологам все пути фальсифицированной критики марксизма.

В своем открытом письме к В. А. Гольцеву, давая отпор всем тем, кто трактовал материалистическое объяснение истории как теорию экономического автоматизма, а также критикуя позицию В. О. Ключевского в «Истории русской общественной мысли», Плеханов указывал, что Маркс и Энгельс всегда учитывали значение политического и идеологического «моментов» в историческом процессе. На конкретном историческом материале Плеханов вскрывал механизм этой связи, роль субъективного фактора в истории и взаимоотношениях людей. Эти положения, разработанные Плехановым, полностью опровергали «критику» марксистской социологии буржуазными социологами, как теми, которые развивали монистический идеализм в истории, так и теми, которые придерживались эклектической теории факторов.

Нужно ли говорить, что буржуазные социологи стремились всячески фальсифицировать взгляды Плеханова. Так, например, М. И. Булгаков в своих рецензиях на книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Основные вопросы марксизма» обвинял автора этих книг в ненаучности его

взглядов и аргументации, в отстаивании экономического материализма.

В первой рецензии Булгаков, защищая теорию факторов, писал: «Основной недостаток г. Бельтова и экономического материализма вообще — это неумение научно поставить вопросы общественной науки и неспособность к научному изучению общественной жизни. Взаимная зависимость и обусловленность (взаимодействие) всех сторон общественной жизни очевидна, и не может быть и речи о выделении какого-нибудь независимого, основного фактора».²³

В другой рецензии тот же автор, касаясь «Основных вопросов марксизма», утверждал: «Характерный прием экономического материализма состоит именно в том, чтобы везде и всюду подчеркивать материальный, экономический фактор как основной. То же мы видим у г. Плеханова... Наиболее темный пункт экономического материализма — отношение экономической структуры и классового строения — очень мало освещен г. Плехановым».²⁴

Отрицание исторической закономерности, находящей свое выражение в поступательном развитии и смене общественных формаций, игнорирование или принижение роли способа производства в движении общества связано у буржуазных и мелкобуржуазных историков и социологов с признанием эклектической методологии теории факторов, причем не только у тех, которые открыто заявляли, что они полностью разделяют ее положения (так называемые плюралисты), но и у тех, которые часто начинали с провозглашения «единого» исходного пункта в историческом процессе, а заканчивали присоединением к позиции теории факторов.

Выступление Плеханова с доказательством несостоятельности теории факторов в социологии имеет непреходящее научное значение. Оно убедительно демонстрировало превосходство марксистской социологической мысли и оскудение буржуазной. «Социально-исторический фактор, — пишет Плеханов, — есть абстракция, представление о нем возникает путем *отвлечения* (абстрагирования). Благодаря процессу абстрагирования различные стороны общественного *целого* принимают вид обособленных *категорий*, а различные проявления и выражения деятельности общественного человека — мораль, право, экономические формы и проч. — превращаются в нашем уме в особые силы, будто бы вызывающие и обуславливающие эту деятельность, являющиеся ее последними причинами.

Раз возникла теория факторов, необратимо должны начаться споры о том, какой фактор нужно признать господствующим».²⁵

²³ Антонов М. [Булгаков М. И.]. Евангелие русской социал-демократии. (О книге г. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»). СПб., 1907, с. 51.

²⁴ «Русская мысль», 1909, № 5, библ. отд., с. 120.

²⁵ Плеханов Г. В. Избр. философ. произв., т. II, с. 241.

²² Там же, т. II, М., 1956, с. 176.

Теория факторов имела гносеологические корни в существующем разделении идеологического труда, которое сложилось вместе с развитием общественной науки. Вместе с тем, как тонко замечает Плеханов, рост разделения труда в общественной науке сопровождается и увеличением количества факторов: «Все отрасли этой науки — этика, политика, право, политическая экономия и проч. — рассматривают собственно одно и то же: деятельность общественного человека. Но они рассматривают ее каждая с своей особой точки зрения. . . И в самом деле, мы можем теперь насчитать почти столько же факторов, сколько существует отдельных „дисциплин“ в общественной науке».²⁶

Оценивая теорию факторов в общественной науке, Плеханов подходит к вопросу исторически. Она представляла какую-то ступеньку на пути истинного познания, но по своему существу и выводам эта теория односторонняя. Но как бы она до некоторой степени ни была полезна в свое время, теперь она не выдерживает критики. «В истории развития общественной науки, — резюмировал Плеханов, — эта теория играла такую же роль, как теория отдельных физических сил в естествознании. Успехи естествознания привели к учению об *единстве* этих сил, к современному учению об энергии. Точно так же и успехи общественной науки должны были повести к замене теории факторов, этого плода общественного анализа, *синтетическим взглядом на общественную жизнь*».²⁷

Плеханов глубоко и обстоятельно критикует буржуазных социологов и историков за эклектизм, теоретической основой которого была теория факторов. Этот эклектизм был присущ как субъективистской социологии народников, так и плюралистическим взглядам М. М. Ковалевского, историков В. О. Ключевского, П. Н. Милокова и др. В работах 80—90-х годов Плеханов остро критиковал эклектизм П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и др. При чтении произведений В. О. Ключевского «Боярская дума», П. Н. Милокова «Очерки по истории русской культуры», Иванова-Разумника «История общественной мысли» он оставил на страницах этих и других книг многочисленные пометы, подчеркивания, отмечающие социологический эклектизм авторов.

Значительное внимание в вопросах критического анализа буржуазной социологии Плеханов уделил проблеме классовости, партийности общественных наук, социологии в частности.²⁸ Он доказывал, что гносеологические корни всех социологических школ вовсе небезотносительны к своему классовому содержанию. Они всегда прочно с ним связаны. Поэтому общественная наука всегда классово обусловлена.

²⁶ Там же, с. 240.

²⁷ Там же, с. 242.

²⁸ Подробнее об этом см. в кн.: Чагин Б. А. Марксистско-ленинский принцип партийности в философии. Л., 1974.

Касаясь общественной науки, Плеханов подчеркивал классовую позицию буржуазных ее представителей. В письме Н. М. Рейхсбергу 15 мая 1912 г. он писал: «Огромное большинство нынешних представителей общественной науки держится классовой точки зрения, отчасти неумышленно, а отчасти вполне сознательно защищая интересы буржуазии, тем более отрадное впечатление производят те немногие представители этой науки, которые, понимая неизбежность классовой точки зрения даже в научных исследованиях, поскольку они касаются общественной жизни, дорожат интересами эксплуатируемых, а не интересами эксплуататоров».²⁹

Плеханов вскрывает буржуазный объективизм, классовую фальшь и лицемерие социологов буржуазии, возраставших по мере усиления антагонистической классовой борьбы в современном обществе. М. Кавен в статье «Георгий Плеханов — воинствующий философ» справедливо отмечает: «Плеханов разбирался в социальной базе, в базе классовой философской борьбы. Он говорил, что чем больше развиваются социальные антагонизмы, тем сильнее идеология доминирующего класса пронизывается фальшью. И чем больше звучит призыв разоблачать живую природу этой идеологии, тем более возвышенным и добродетельным становится язык этого класса».³⁰ И Плеханов, критикуя буржуазных социологов³¹ и их последователей в социал-демократическом лагере, например Э. Бернштейна, постоянно напоминал, что принцип партийности, классовости в социологии является одним из самых основных принципов марксизма.

Теперь нам остается коснуться методологической проблемы, относящейся к такому важному для того времени вопросу, как роль народных масс и личности в истории. Эта проблема, как мы видели в предыдущих главах, в буржуазной и особенно мелкобуржуазной (народнической) социологии приобрела одно из центральных мест.

Отметим, что ряд произведений Плеханова, вошедших в основной фонд марксистской литературы и принесших автору мировую известность,³² были направлены против народнической социологии в ее различных формах (концепции П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского). В них остро затрагивались и социологические взгляды социологов и историков на Западе. В произведении «К вопросу о роли личности в истории»

²⁹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. I, с. 255.

³⁰ Gaveing M. George Plekhanov philosophe militant. — «La presse», 1958, № 79, p. 48.

³¹ См., например: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. I, с. 100.

³² К ним относятся «Социализм и политическая борьба», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Основные вопросы марксизма» и др.

проблема у Плеханова приобрела общетеоретический и методологический характер.

Подвергая критике социологические основы народничества, Плеханов раскрывает их теоретические источники: взгляды М. Штирнера, Б. Бауэра, П. Прудова и др. Он продолжает и конкретизирует полемику Маркса и Энгельса против социологии народничества — М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева.³³

Произведение Плеханова «К вопросу о роли личности в истории», впервые опубликованное в журнале «Научное обозрение» за 1898 г., направлено как против субъективистского, так и против фаталистического понимания роли личности в истории. В тех исторических условиях, в которых ему приходилось выступать (против субъективизма народников и неокантианства), Плеханов особенно подчеркивал определяющее значение исторической необходимости в действиях личности, однако нисколько не умаляя исторической инициативы и активности личности в историческом процессе на том или ином конкретном уровне познания. Он указывал, что категории возможности и вероятности, отражающие реальные стороны исторического процесса, говорят о возможности различных вариантов развития. В истории тот или иной осуществленный вариант того или иного события мог быть и иным в зависимости от действий личности или других факторов исторического взаимодействия.

Выступление Плеханова в защиту марксистской концепции роли личности в истории имело большой исторический резонанс. Был нанесен удар в самое сердце народнической философии истории, которая исходила из исключительного, определяющего значения личности в историческом процессе. Не удивительно, что взгляды Плеханова подверглись после этого грубым нападкам и неосновательной критике со стороны будущего ренегата народничества Л. А. Тихомирова и Н. К. Михайловского. Эту же линию продолжают и современные буржуазные социологи. Например, С. Хук в книге «Маркс и марксисты» говорит о якобы фаталистическом истолковании Плехановым роли личности в истории. Он безапелляционно утверждает, будто концепция Плеханова приводит к признанию, что «истории любого периода нет никакого дела до того, что существуют те или иные личности».³⁴

Сартр, критикуя марксистскую позицию Плеханова, упрекает марксизм в отрицании индивидуальности и активности личности.³⁵ Между тем Плеханов в своем произведении подчеркивает значе-

ние различных индивидуальных сторон и качеств личности, оказывающих порой весьма существенное влияние на ход исторических событий. «Личность вносит в историю элемент случайности».³⁶

Буржуазные социологи проходят мимо важных методологических положений Плеханова, который требует различать разные уровни подхода к проблеме. При анализе общих закономерностей исторического процесса, где речь идет об общем уровне развития производительных сил и производственных отношений, влияние личности не столь велико по сравнению с более конкретными уровнями развития исторических событий, когда особенности и качества личности могут играть эффективную роль. «...личные особенности руководящих людей, — отмечает Плеханов, — определяют собою индивидуальную физиономию исторических событий, и элемент случайности, в указанном нами смысле, всегда играет некоторую роль в ходе этих событий, направление которого определяется в последнем счете так называемыми общими причинами».³⁷ При этом Плеханов указывает на то обстоятельство, что «случайные явления и личные особенности знаменитых людей несравненно заметнее, чем глубоко лежащие общие причины».³⁸

Постановка проблемы различных уровней анализа роли личности в историческом процессе позволяет диалектически рассматривать вопросы соотношения исторической необходимости и исторических действий личности, научно соотносить необходимость и случайность в поведении личности. В связи с этим Плеханов конкретизирует вопрос о соотношении свободы и необходимости в социологии, отмечая метафизический характер решения его народниками. «Представление о свободе, — писал он, — заслоняло собою понятие о необходимости и тем мешало развитию науки. Эту aberrацию можно до сих пор с поразительной ясностью наблюдать в „социологических“ произведениях „субъективных“ русских писателей».³⁹

В своем выводе о значении влиятельных личностей в истории Плеханов подчеркивал, что «влиятельные личности благодаря особенностям своего ума и характера могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами».⁴⁰ Но последнее оставляет место и для единичного.

Плеханов не отрицает активного значения личности в историческом процессе. Это касается не только влиятельных личностей. В заключении своего произведения «К вопросу о роли личности

³⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. II, с. 234.

³⁷ Там же, с. 330.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, т. I, с. 636.

⁴⁰ Там же, т. II, с. 326.

³³ См., например, работу Плеханова «Анархизм и социализм», вышедшую в 1894 г. в Германии, а затем опубликованную в 1895 г. в Лондоне. Маркс-Эвелинг писала об удовольствии, доставленном ей этой работой, о том, что она увидела в ней «la férule de mon père» (руку своего отца). См.: Плеханова Р. М. Моя жизнь. Воспоминания, с. 400. — ГПБ, АДП, ф. 1094, т. 1, ед. хр. 7.

³⁴ Hook S. Marx and the marxists. N. Y., 1955, p. 59.

³⁵ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, v. 1. Paris. 1960, p. 84.

в истории» он пишет: «И не для одних только „начинателей“, не для одних „великих“ людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие *великий* есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, „полагает душу свою за други своя“». ⁴¹

Плеханов решительным образом критикует квиетизм. История делается людьми. Социальный закон есть закон действия людей. Позиция социального фатализма историков Лампрехта и Моно была им подвергнута обстоятельной критике. Взгляды Плеханова оспаривались, но противники его марксистской концепции не могли привести сколько-нибудь веских аргументов, которые бы их поколебали в главном, существенном. Он дал одно из лучших изложений научного решения этой важнейшей проблемы для своего времени и наметил весьма существенные методологические подходы к ее анализу.

Однако в целом для Плеханова характерно прежде всего подчеркивание объективных начал, критика субъективизма в объяснении исторического процесса. Поэтому проблема исторического субъекта в марксистской социологии им не всегда с достаточной основательностью анализируется. Вопрос о роли субъективного фактора в истории, резко выдвинутый событиями новой исторической эпохи — империализма, не получил у него фундаментального рассмотрения, как это было сделано в работах В. И. Ленина. Здесь безусловно имела значение и его политическая меньшевистская позиция.

Что касается проблемы роли народных масс в истории, то она не получила своего развернутого методологического решения в произведениях Плеханова. Это объяснялось тем обстоятельством, что ему по необходимости пришлось полемизировать против народнической социологии, в центре которой была выдвинута проблема личности.

Несмотря на это последнее обстоятельство, а также на некоторые другие существенные (проблемы классовой структуры общества, государства) и менее важные недостатки социологических воззрений Плеханова, его произведения широким фронтом были направлены против буржуазной и мелкобуржуазной социологии, а также социологических взглядов историков в лице В. О. Ключевского, Н. И. Кареева, Иванова-Разумника и др. Однако надо всегда помнить, что у Плеханова со времени его перехода на меньшевистскую политическую позицию возникало постоянное противоречие между его общетеоретическими марксистскими социологическими взглядами и политическим мировоззрением. Оно не могло так или иначе не сказаться на его общесоциологическом воззрении, главным образом в области таких теоретических проб-

лем, которые ближе всего были связаны с политикой (вопросы классовой борьбы, государства, войны и пр.).

Все это наложило известную печать абстрактности на его взгляды в области социологии, привело к ряду ошибок, что нашло свое прямое отражение в интересной, но во многом противоречивой его работе «История русской общественной мысли», в которой впервые в систематическом плане дана в целом с позиций марксизма история общественной мысли в России.

И все же Плеханов в борьбе против буржуазной и мелкобуржуазной социологии сыграл весьма позитивную роль. Это всегда отмечал В. И. Ленин, даже в годы перехода Плеханова к меньшевикам. В произведениях Плеханова дана была глубокая и обстоятельная критика методологических основ буржуазной и мелкобуржуазной социологии.

Дальнейшее развитие теоретических и методологических основ марксистской социологии неразрывно связано с именем В. И. Ленина.

КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ БУРЖУАЗНОЙ И МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Одним из важнейших ключевых вопросов истории общественной мысли для В. И. Ленина являлся вопрос об исторической преемственной связи прогрессивных общественных идей прошлого в России и марксизма. Исключительно большое методологическое значение имеет работа Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». В ней поставлен принципиальный вопрос об отношении марксизма к идейному содержанию предшествующей общественной мысли в России.

Марксизм представляет собой учение, которое всегда учитывает прогрессивное наследие прошлого, исходит из исторической преемственной связи к прошлому социальному прогрессу и его идеям. Ленин в указанной статье опровергает Михайловского и других народников, которые сочинили выдумки о разрыве русских марксистов с лучшими традициями передовой части русского общества, о перерыве ими демократической линии его развития. Народнические идеологи утверждали, что только они являются истинными преемниками идейного наследия Чернышевского, Добролюбова.

На примере книги Скалдина (Ф. П. Еленева) «В захолустье и в столице» (СПб., 1870) В. И. Ленин показывает, что выдвигаемые Скалдиным положения о состоянии в русской деревне раскрывают действительность деревни, как она существует, и в ее тенденциях дальнейшего развития, Ленин замечает: «Народник, вероятно, свысока взглянул бы на Скалдина и сказал, что это просто буржуа. — Да, конечно, Скалдин — буржуа, но он представитель прогрессивной буржуазной идеологии, на место которой у народ-

⁴¹ Там же, с. 334.

ника является мелкобуржуазная, по целому ряду пунктов реакционная».⁴²

Вот почему русские марксисты положительно оценивают воззрения буржуа-просветителя Скалдина и других представителей прогрессивной общественной мысли 60-х годов, а в воззрениях народников отмечают наряду с позитивными положениями реакционно-утопические идеи, идущие в разрез с общественным развитием.

Ленин подчеркнул, что «народничество сделало крупный шаг вперед против наследства, поставив перед общественной мыслью на разрешение вопросы, которых хранители наследства частью еще не могли (в их время) поставить, частью же не ставили и не ставят по свойственной им узости кругозора. Постановка этих вопросов есть крупная историческая заслуга народничества, и вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этим вопросам, заняло тем самым передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли».⁴³

Но по ряду вопросов марксисты ближе стоят к просветителям (имеются в виду революционные демократы) в отношении наследства 60-х годов, чем народники. «Не только они не отрекаются от наследства, а, напротив, одной из главнейших своих задач считают опровержение тех романтических и мелкобуржуазных опасений, которые заставляют народников по весьма многим и весьма важным пунктам отказываться от европейских идеалов просветителей».⁴⁴

И у прогрессивной части буржуазного просветительства, и в воззрениях народничества Ленин находит положительное, от признания чего русские марксисты не отказываются. Марксисты не являются нигилистами по отношению к истории прошлого. Но в своем критическом анализе прошлого наследства марксисты раскрывают его историческую ограниченность и показывают реальные закономерности дальнейшего общественного развития.

Само собой разумеется, говоря о преемственной связи с общественной мыслью прошлого, не отрекаясь от него, марксисты, указывает Ленин, «присоединяют анализ тех противоречий, которые заключают в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения»,⁴⁵ т. е. пролетарской партийности.

По цензурным обстоятельствам В. И. Ленин в своей легальной статье не называет революционных демократов в лице Герцена, Чернышевского и Добролюбова, идейное наследие которых прежде всего восприняли русские марксисты. В материализме, в диалектическом взгляде на жизнь революционных демократов,

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 518.

⁴³ Там же, с. 531.

⁴⁴ Там же, с. 542.

⁴⁵ Там же.

в глубоком понимании ими социологических проблем возникавшая социал-демократия имела богатейшее теоретическое наследство.

Произведения Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова имели большое значение в подготовке идейных предпосылок для возникновения и распространения марксистских идей в России. Своей критикой буржуазных идеологов революционные демократы облегчили социал-демократии борьбу за победу марксистского мировоззрения в России. О Герцене Ленин говорил как о писателе, который сыграл «великую роль в подготовке русской революции».⁴⁶

Быстрой победе марксизма в России способствовало то обстоятельство, что у передовой русской общественной мысли имела солидная материалистическая традиция. Ленин называл революционных демократов предшественниками русской социал-демократии. Он писал: «... роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...».⁴⁷

В добавлении к § 1 главы IV «Материализма и эмпириокритицизма» Ленин подчеркивал глубокую идейную связь взглядов Чернышевского и русских марксистов в области философского материализма. Народники в лице Лаврова сделали шаг назад от Чернышевского — от материализма в сторону позитивизма. Это было теоретическое принижение взглядов в области общественной мысли.

Ленин проанализировал вопрос о методологическом подходе к теоретическому наследованию, поднял эту проблему на ступень высшего, философского обобщения, положив тем самым краеугольный камень для объективного решения основных проблем истории общественной мысли. Ленинская методология при решении вопроса об отношении марксизма к истории общественной мысли исходит: 1) из преемственности всего прогрессивного в знании; 2) из непрерывного приращения прогресса знания и 3) из классово-партийной оценки противоречивого процесса развития концепций и идей.

В отличие от Г. В. Плеханова В. И. Ленин выступил против социологии народников на более поздней стадии развития народнического движения. В начале 90-х годов главными противниками марксистской социологии были представители либерального народничества. В своей полемике с ними Ленин подчеркивал, что с открытием материалистического понимания истории социология впервые была возведена на ступень науки. Марксизм открыл новую эру в развитии социальных наук.

⁴⁶ Там же, т. 21, с. 255.

⁴⁷ Там же, т. 6, с. 25.

Для Ленина в его критике народнической социологии характерно глубокое понимание внутренней связи социологической теории с практическими задачами рабочего движения, с практикой жизни. У Плеханова теоретическая полемика нередко принимала несколько академический характер, он не всегда делал необходимые социально-практические заключения по поводу социологических положений противников марксистской социологии.

Методологические принципы критики буржуазной социологии у В. И. Ленина охватывают широкий круг теоретических проблем, имеющих непосредственный выход на практически-политические вопросы революционного движения рабочего класса, защиты научного мировоззрения от буржуазного и мелкобуржуазного влияния, на вопросы стратегии и тактики партийного руководства классово-борьбой. Прежде всего это углубленная разработка принципа марксистской партийности, это обоснование философского аспекта исторического материализма, далее, это развитие учения о диалектическом соотношении объективных условий и субъективного фактора, наконец, дальнейший вклад в теорию общественно-экономической формации и ее социальных законов, в теорию социальной революции, а также в учение о роли личности и народных масс в истории.⁴⁸

Проблема партийности социологической теории приобретает в произведениях Ленина особо важное значение. Принцип партийности для него становится важнейшей методологической проблемой в исследовании общественных явлений, в критике буржуазной социологии. Беспристрастной социальной науки, указывал Ленин, не может быть в антагонистическом обществе.⁴⁹

Развивая принцип марксистской партийности, Ленин подчеркивал его различные стороны: социально-политическую, гносеологическую и логическую. Для него принцип марксистской партийности имел методологическое значение, что нашло свое прямое отражение в его подходе к полемике против народнической социологии, социологических взглядов «легальных марксистов», а также против буржуазной социологии в целом. В статье «Наши упразднители» Ленин отметил внутреннюю связь буржуазной политики с философией позитивизма и субъективной социологией. В работе «Что такое „друзья народа“» он раскрыл единство и взаимосвязь партийно-политической и гносеологической сторон принципа партийности.

Исключительное методологическое значение для марксистской социологии, как и для марксизма в целом, имеет произведение Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». В нем Ленин, полемизируя с народническими

взглядами, подверг глубокой и обстоятельной критике эклектическую систему взглядов «легального марксиста» Струве, стремившегося в области философии и социологии «соединить» некоторые положения марксизма со взглядами буржуазных социологов на Западе, в частности с воззрениями неокантианцев Зиммеля, Рила и др. В центре внимания Ленина в указанном труде являются методологические проблемы, среди которых первостепенное значение имеет принцип марксистской партийности и критика буржуазной партийности в ее объективистской форме.

Ленин глубоко анализирует структуру партийности. Компонентами понятия марксистской партийности, органически связанными между собой, являются: 1) пролетарская революционность, классовость; 2) объективность познания и действия; 3) творческая активность; 4) принципиальность и 5) диалектико-логическая обоснованность. Эти стороны в той или иной исторической связи Ленин развивает во многих своих произведениях в процессе борьбы с социологическими взглядами народничества, «легального марксизма», меньшевизма, неокантианства и махизма.

Принцип марксистской партийности — это не только средство критики взглядов противников, он представляет собой важнейший методологический прием исследования общественной жизни. Марксистская партийность, взятая в социальном аспекте, — это принцип, отражающий революционную позицию рабочего класса по отношению к окружающим общественным явлениям, вытекающую из его объективного положения в обществе. Гносеологической стороной партийности является правильное, объективное отражение действительности. И, наконец, логической стороной — диалектический метод подхода к анализу общественных явлений, материалистическая диалектика. Из указанных сторон партийности проистекают убежденность в правильности действия рабочего класса, принципиальность, имеющая своей основой объективную истину в ее конкретно-историческом развитии.

В своей полемике с буржуазными социологами Ленин отмечает различную по содержанию и форме партийность пролетарскую и буржуазную. «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая».⁵⁰ Отсюда проистекает прикрытая, объективистская партийность буржуазии и открытая, объективная партийность рабочего класса.

Критикуя методологические позиции Струве в «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России», Ленин характеризует два принципиально различных подхода, существующие в социологии, — объективистский и марксистский. «Объективист, — пишет Ленин, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью дан-

⁴⁸ Этим, разумеется, не исчерпывается круг методологических проблем, решение которых дано В. И. Лениным в острой полемике с буржуазными социологами.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

⁵⁰ Там же, т. 12, с. 138.

ную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс определяет эту необходимость*».⁵¹

Приведенные положения Ленина с классической четкостью вскрывают два различных методологических подхода в анализе социологических фактов. Марксизм включает в себя партийность, обязывая при оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения пролетариата. Ленин разоблачает объективизм буржуазной социологии, для которой, как мы видели, было характерно в анализе социологических понятий затупевывание своей классовой позиции, требование подняться выше классовых противоречий в обществе.

Критикуя Струве, Ленин отмечал непозволительность в анализе фактов капиталистической действительности рассуждений «с точки зрения профессора, стоящего над классами». Он полемизирует с буржуазными социологами, стремящимися выдать существующую классовую организацию управления, свои классовые интересы и идеи за общечеловеческие, стать выше классов. Положения Ленина были направлены против методологии различных буржуазных социологических направлений, для которых с некоторыми различиями была присуща общая объективистская методология. «Марксист. . . — писал Ленин, — считает основательной только критику с точки зрения определенного класса, — критику, основывающуюся не на моральных суждениях „личности“, а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса».⁵²

Самым существенным как в субъективном методе народнической социологии, так и в объективистском методе социологических взглядов «легальных марксистов» Ленин считал игнорирование ими антагонистических противоречий в капиталистическом обществе. Отсюда проистекало отрицание классовой борьбы, требование примирения классов, признание принципа солидарности, сотрудничества классов. Последнее в различных формах являлось характерным для всей буржуазной социологии.

Раскрывая объективистскую методологию буржуазной социологии, Ленин обращает внимание на то, что она обычно связана с абстрактностью изложения. Абстрактность изложения является одним из методологических приемов буржуазных социологов. Критикуя подобный подход у Струве, Ленин писал: «... абстрактность критики г. Струве составляет отличительное свойство *всей* его книги... Нуждается в исправлении у него больше всего именно *постановка вопросов*».⁵³ Такой же прием существует и у народника Михайловского в его рассуждениях об обществе вообще, о понятии «дифференциации» в обществе вместо строгого и научного понятия о классовом делении общества. Это было присуще всей западноевропейской и русской буржуазной социологии.

В противоположность абстрактно-объективистской форме буржуазной социологии марксистская партийность необходимо предполагает конкретно-исторический способ исследования фактов и событий. Ленинские труды «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» и другие дают большой конкретный материал критики абстрактно-логического приема объективистского рассмотрения фактов и событий исторического процесса. Странник объективистской методологии берет лишь одну сторону явлений — всеобщее, раздувает ее и тем самым искажает истину, игнорируя конкретные формы ее проявления. Это было весьма характерно для многих школ в буржуазной социологии, которые рассматриваются в данной книге. «Нет ничего характернее для буржуа, — замечает Ленин, — как перенесение черт современных порядков на все времена и народы».⁵⁴

В своей полемике с буржуазными и ревизионистскими социологами Ленин указывает, что логика познания и действия должна отразить развитие действительности в ее конкретности. Критикуя объективистские рассуждения Струве об обществе вообще, о социальном прогрессе независимо от конкретно-исторической ступени его развития, Ленин писал: «Надо конкретнее формулировать вопрос, свести его от прогресса вообще к „прогрессу“ капиталистического русского общества...».⁵⁵ Различные буржуазные социологические школы, как мы видели, ставили вопрос о прогрессе абстрактно, вообще, не касаясь вопроса о классах, борющихся за конкретный прогресс в общественных отношениях.

Характеризуя в целом марксистскую методологию, одной из важных сторон которой является конкретно-исторический подход, Ленин подчеркивал: «Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического про-

⁵¹ Там же, т. 1, с. 418.

⁵² Там же, с. 466.

⁵³ Там же, с. 464.

⁵⁴ Там же, с. 153.

⁵⁵ Там же, с. 463.

песса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке». ⁵⁶

Большое методологическое значение в борьбе против буржуазной социологии имели и имеют положения Ленина, в которых он обосновывает философский аспект марксистской социологии. В полемике с народническими социологами, с теоретиками «легального марксизма», с неокантианцами и махистами он показывает внутреннюю, нерасторжимую связь диалектического и исторического материализма. Философия диалектического материализма обладает той особенностью, что она выступает по отношению к марксистской социологии наиболее общей ее методологической основой.

Буржуазные социологи, независимо от своей принадлежности к различным школам, стремились «доказать», что у марксизма нет обоснованной философии и что между его мировоззрением, с одной стороны, и социологией и экономическим учением, с другой стороны, не существует никакой связи. Об этом писали народнические социологи, Н. И. Кареев, теоретики «легального марксизма» Н. А. Бердяев, И. А. Давыдов и др. Все они стремились тем самым к ревизии исторического материализма.

Ленин, опровергая эти ложные утверждения, показывает объективно-научный характер марксистской философии и ее органическую связь с историческим материализмом. «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи». ⁵⁷ Философия диалектического материализма придает марксистской социологии методологическую обоснованность. Категориальный аппарат исторического материализма исходит из основополагающих теоретических посылок диалектического материализма.

В этой связи большое значение приобретает разработка Лениным диалектической логики и критика на основе ее метафизической логики буржуазных социологов, связанной с субъективизмом и эклектикой. Буржуазные социологи противопоставляли монизму диалектической логики эклектизм, основанный на теории факторов. Этой позиции следовали и ревизионисты. Так, например, Э. Бернштейн следующим образом характеризовал свой методологический подход к познанию общественных явлений: «История не допускает альтернатив. Ее девиз: как то, так и другое. История человечества в этом отношении совершается в республиканском духе: она не признает „никакого короля в социальном

⁵⁶ Там же, т. 26, с. 139—140.

⁵⁷ Там же, т. 18, с. 346.

царстве». По отношению к системам она поступает как эклектик, по отношению же ко времени — как мелкий буржуа». ⁵⁸

Эклектизм характерен для большинства буржуазных и мелкобуржуазных социологов. Мы видели это на примере взглядов народнических социологов, М. М. Ковалевского и др.

Ленину принадлежит глубочайшая критика социологического эклектизма. В своих произведениях он показывает, что для эклектика свойственно непонимание главного, существенного в развитии общественных явлений. Эклектик исходит из простого взаимодействия явлений, в котором все одинаково, неразлично, нет главного и побочного. В своей критике эклектизма Ленин показывает, что он открывает дорогу софистике, допускает произвольный выбор любых сторон явления и ведет к субъективизму. На примере различных буржуазных социологических концепций, от субъективной школы до махизма, Ленин демонстрирует пороки эклектизма и противопоставляет ему диалектику, лежащую в основании общесоциологической теории марксизма.

Марксистская диалектика, как мы видели, составляет центр нападения буржуазных и мелкобуржуазных социологов на исторический материализм. Третируя диалектику, Х. И. Житловский утверждал: «Философски она не обоснована, для науки излишняя, на практике более вредна, чем бесполезна, а стало быть, во всех областях не выдерживает критики». ⁵⁹ Такая позиция с теми или иными вариациями была присуща всей буржуазной социологии и их последователям — ревизионистам в лице Бернштейна и др.

Ленин исключительно глубоко и тонко использует категории диалектической логики (противоречие, общее, частное и особенное, конкретность, объективное и субъективное и т. д.) в обосновании основных проблем исторического материализма и в своей критике эклектизма буржуазной и мелкобуржуазной социологии. Категории диалектической логики раскрываются им не только в философских работах, но и при анализе конкретных социологических, экономических и политических вопросов.

Большое принципиальное, методологическое значение имеет в работах Ленина разработка и дальнейшее развитие проблемы соотношения объективных условий и субъективного фактора. При всей правильности общего решения этой проблемы Плехановым вопрос о содержании и значении субъективного фактора в различных конкретных условиях в его произведениях не нашел полного и глубокого ответа. Между тем эта проблема была одной из первостепенных в социологии. Плеханов, как отмечалось выше, полемизируя с субъективной социологией народников, подчеркивал объективные начала в социологической теории,

⁵⁸ Bernstein E. An meine sozialistischen Kritiker. — «Sozialistische Monatshefte», 1900, Bd. I, S. 13.

⁵⁹ Н. Г. [Житловский Х. И.]. Материализм и диалектическая логика. — «Русское богатство», 1898, № 7, с. 103.

уделяя меньше внимания проблеме субъективного фактора в истории. Буржуазные и мелкобуржуазные социологи всячески силились представить исторический материализм в качестве теории, утверждающей квиетизм, игнорирующей активную деятельность личности, народных масс.

В «Русском богатстве», например, заявлялось, что понятие общественного развития «не может быть объективным, так как последним звеном в цепи причин и следствий, предшествующих общественным изменениям, являются субъективные стремления».⁶⁰ С. Н. Кривенко утверждал: «Вместо того чтобы считать человека в ряду условий и сил, направляющих общественную, а следовательно, и экономическую жизнь, первую и главную силою, они (марксисты, — *Б. Ч.*) низводят его на степень какого-то инвентаря экономических процессов, совершающихся по раз установленному на все времена и случаи ритуалу».⁶¹

Уже в своих ранних работах, полемически направленных против идеологов народничества и «легального марксизма», Ленин опроверг подобные домыслы, фальсификации буржуазных и мелкобуржуазных социологов. Он писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей».⁶²

В критике волюнтаристических концепций в социологии Ленин главный упор делал на обосновании марксистского положения об объективном характере законов общества, о детерминированности поступков людей и классов, указывая при этом на активный характер субъективного фактора. В полемике с искажениями марксистской социологии в духе объективистско-фаталистическом он развернул глубокую трактовку значения субъективного фактора в истории. Он показал, что субъективный фактор органически вплетается в историческую необходимость. В анализе исторического процесса надо исходить из диалектики объективных условий и субъективного фактора. В полемике с буржуазной социологией Ленин отстаивал марксистское положение о том, что без воздействия субъективного фактора не могут произойти изменения в объективных условиях общественной жизни. Из диалектического соотношения этих сторон

проистекают функции и роль субъективного фактора в историческом процессе.

Все приведенные методологические положения у Ленина теснейшим образом связаны с дальнейшим развитием им теории исторического материализма. Это развитие протекало на основе обобщения общественной практики и в процессе полемики с буржуазной социологией. Здесь мы вынуждены ограничиться указанием лишь на наиболее важные проблемы исторического материализма, которые были разработаны В. И. Лениным, не вдаваясь в подробности их изложения и обоснования.

Это прежде всего проблема общественной формации. Еще в своей полемике с представителями народнической социологии Ленин конкретизирует марксистское понятие общественной формации и решительным образом подвергает критике исходные положения буржуазной социологии. Он указывает на два принципиально различных методологических подхода к изучению общества: марксист исходит в анализе общественных явлений из конкретно-исторического представления об общественной формации, а представитель буржуазной социологии из понятия общества вообще.⁶³ Критикуя субъективную социологию народников, Ленин имеет в виду буржуазную социологию в целом. Своим учением об общественной формации Ленин наносил удар в самое сердце буржуазной социологии в ее позитивистской и неокантианской трактовках общества. Он критикует абстрактно-догматический прием в изучении общества, абстрактные универсальные формулы, которые буржуазные социологи применяют к понятиям «общество», «прогресс». Ленин указывал, что это наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука, сочинялись а priori общие теории вместо изучения конкретных фактов. Общие теории, указывал Ленин, всегда оставались бесплодными.⁶⁴

Развивая марксистское учение об общественной формации, Ленин обосновывает положение, согласно которому общество — это живой организм в его функционировании и развитии, находящийся на определенной ступени исторического развития. Анализ понятий общества и прогресса вообще требует установления понятия общественной формации, анализа конкретных общественных отношений.⁶⁵

Все эти методологические положения, развитые Лениным в процессе критики народнической социологии, полностью относились к буржуазной социологии в целом, вскрывали ее один из важнейших методологических пороков.

Раскрывая методологические рамки понятия общественной формации, Ленин на примере Марксова «Капитала» показывает,

⁶³ Там же, с. 133.

⁶⁴ Там же, с. 141.

⁶⁵ Там же.

⁶⁰ П. Б. [Шишко Л. Э.]. К вопросу об исторической необходимости. — «Русское богатство», 1897, № 9, с. 31.

⁶¹ Кривенко С. Н. На распутье. М., 1901, с. 332.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

что марксизм требует всестороннего изучения всех общественных отношений, выделения при этом производственных отношений, соответствующих уровню и характеру производительных сил.⁶⁶ Благодаря такому выделению производственных отношений общественная наука получила критерий повторяемости исторических явлений в различных странах. Именно поэтому социология стала наукой, вскрывающей законы развития общества.

Одним из коренных методологических недостатков буржуазной социологии в рассматриваемом вопросе являлось отрицание объективных законов в обществе. В этой связи Ленин подверг критике позицию неокантианцев и их сторонников среди ревизионистов. В статье «Некритическая критика» он, высказав намерение «представить со временем систематический разбор этого направления», подчеркивал, что неспособность буржуазной социологии подметить и понять повторяемость в явлениях общественной жизни есть результат идеалистического подхода к истории.⁶⁷ Касаясь взглядов неокантианства на этот вопрос, Ленин в статье «Еще одно уничтожение социализма» указывал, что для данного направления буржуазной социологии характерно отрицание всяких обобщений, стремление «спрятаться от всяких „законов“ исторического развития».⁶⁸

Общественный закон не фатальный, неотвратимый регулятор, а закон деятельности людей. Механизм действия социальных законов включает в свое содержание так или иначе, в той или иной форме действие субъективного фактора. Позиция Ленина в этом вопросе направлена как против волюнтаристического, так и фаталистического истолкования социального закона. Это имеет весьма важное методологическое значение в опровержении взглядов буржуазных социологов.

В борьбе против субъективной социологии народничества Ленин обращал внимание на то, что главным ее пороком является субъективизм. Михайловский утверждал, что в социологии невозможен объективный метод. Критикуя основы субъективного метода в социологии, Ленин говорит о его метафизичности и одновременно идеалистическом характере.⁶⁹ Социологи народничества останавливались лишь на рассмотрении идейных интересов и мотивов исторической деятельности людей, не стремясь анализировать причины этих интересов и мотивов. Они не научно, а субъективно-идеалистически решали основной вопрос социологии — об отношении общественного сознания к общественному бытию, противопоставляя сознание, волю людей объективной закономерности. Свою социологию поэтому представители ее строили, исходя из порочной методологии — из

⁶⁶ Там же, с. 134.

⁶⁷ Там же, т. 3, с. 636.

⁶⁸ Там же, т. 25, с. 44.

⁶⁹ Там же, т. 1, с. 190—193.

абстрактных идеалов «критически мыслящей личности». П. Л. Лавров утверждал, что «все в теории создавалось, охранялось и совершалось работою мысли и энергиею воли личностей... Чудотворцем всегда была и будет сила мысли и энергия воли личностей».⁷⁰

Ленин вскрывает различие методологических подходов марксистской социологии и буржуазных социологов к анализу личности: «...социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения».⁷¹ Социолог-субъективист изолирует личность от конкретной общественной обстановки и тем самым лишает себя возможности изучения действительных помыслов и чувств личности. Марксизм не игнорирует роли личности и ее индивидуальных черт в развитии общества, но он объясняет ее действия из существующих общественных, в современном обществе, классовых отношений. Это исходный методологический пункт марксистской социологии при рассмотрении проблемы личности.

Конкретизируя и развивая дальше марксистское учение о роли личности в истории, Ленин обращает внимание на то, что общественная деятельность личности, ее успех органически связаны с действием народных масс, классов и деятельностью партий в обществе. Он подчеркивал, что главным своим недостатком все предшествующие теории общества имели непонимание роли народных масс в истории. Они «не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий».⁷²

Это было весьма важное методологическое положение, вскрывающее принципиальное отличие марксистской социологии от всех направлений буржуазной социологии, на что в свое время Плеханов в своей полемике с буржуазными социологами не всегда достаточно полно обращал внимание вследствие политической недооценки революционной роли крестьянства в общественном движении.

В борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной социологией Ленин исключительное внимание уделил вопросам классовой борьбы и революции. Здесь находился главный фронт размежевания между марксистами-социологами и противниками марксизма. Ленин отмечал, что рассмотрение тех или иных социальных проблем предполагает марксистское представление о груп-

⁷⁰ Арнольди С. С. [Лавров П. Л.]. Задачи понимания истории. Изд. 2-е. СПб., 1903, с. 339.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 424.

⁷² Там же, т. 26, с. 57.

пировке общественных сил, классов и их борьбе в определенной общественной формации. Марксизм действия личностей свел к действию классов, борьба которых обуславливает движение общества. В полемике с народниками и «легальными марксистами» Ленин подчеркивал этот определяющий и изначальный методологический пункт марксистской социологии.

Две крупные работы Ленина, критически направленные: одна — против либерального народничества («Что такое „друзья народа“»), другая — против «легального марксизма» («Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»), имеют исключительно важное методологическое значение в решении вопросов классовой борьбы и революции. Ленин со всей четкостью показал отсутствие у Струве признания классовой борьбы при рассмотрении всех теоретических вопросов, стремление исказить марксистскую постановку вопроса о революции. Ленин писал, что по появлении книги Струве «Критические заметки» он сделал попытку раскрыть смещение в воззрениях последнего марксизма с буржуазной наукой.⁷³

Для струвизма было характерно отделение теории от практики жизни. Струве считал, что это является необходимым условием научного исследования. Неокантианский тезис отделения теории от практики был принят «легальными марксистами» за исходный методологический пункт. «Для успехов научного исследования, — утверждал Струве, — огромную важность имеет принципиальное разделение между теоретическими построениями и практическими идеями, устанавливающее взаимную независимость и тех, и других. Это принципиальное разделение должно быть признано за руководящее начало отыскания теоретической истины».⁷⁴

В связи с такой методологической установкой Струве приходил к следующему заключению: «Экономическое понимание истории не претендует давать ответ на вопрос, что делать».⁷⁵ Оно не связано с практикой.

Таким образом, с точки зрения Струве, социология — чистая теория, не имеющая никакого отношения к проблеме идеала и интересов классов. Социализм — идеал и имеет отношение лишь к нравственному, практическому миру. Идеал, утверждал «легальный марксист», «ни субъективно (для психологического сознания), ни объективно (по недостаточности эмпирических данных) не может быть безусловно необходимым».⁷⁶

⁷³ Там же, т. 3, с. 636.

⁷⁴ Струве П. Против ортодоксальной нетерпимости. Pro domo sua. — В кн.: Струве П. На разные темы. СПб., 1902, с. 296—297.

⁷⁵ Струве П. «Мужики» Чехова и г. Михайловский. — В кн.: Струве П. На разные темы. СПб., 1902, с. 145.

⁷⁶ Струве П. Свобода и историческая необходимость. — В кн.: Струве П. На разные темы. СПб., 1902, с. 205.

Ленин решительно опровергает неокантианскую позицию «легального марксизма», подчеркивая внутреннюю и нерасторжимую связь марксистской теории с практикой рабочего движения и политикой социал-демократии. Еще выступая против Михайловского, который обвинял марксистов в безучастном отношении к борьбе, Ленин в своей работе «Что такое „друзья народа“» писал, что социалисты исходят из воззрения, согласно которому путь к социализму один — классовая борьба пролетариата против буржуазии.⁷⁷ Критикуя неокантианскую позицию Струве, Ленин писал в предисловии к работе «Экономическое содержание народничества», что Струве ограничивается объективной стороной доктрины и оставляет почти вовсе в стороне практические выводы.⁷⁸

Как показывает Ленин, неокантианство являлось одним из средств обоснования «легальным марксизмом» своего реформизма. На заявление Струве о том, что последователи Маркса будто бы внесли корректив в учение о революции, он писал: «Мы никак не можем признать это правильным. Никакого „корректива“ (исправления по-русски) ни важного ни неважного не вносили „последователи Маркса“ в его точку зрения».⁷⁹

В произведениях Ленина, в которых велась полемика с народниками и «легальными марксистами», глубоко разработана марксистская теория революции и ее философско-социологические основы. Он нанес сокрушительный удар по объективизму буржуазной социологии. Его полемика со Струве особенно рельефно вскрыла сущность объективистской методологии буржуазных социологов, которые отрицали классовую борьбу и революцию как закон движения и развития антагонистического общества. Это было характерно как для натуралистической социологии, так и для психологического направления, неокантианства и религиозной философии истории.

В полемике с «легальными марксистами» со всей ясностью обнаружилось различное понимание общественно-экономической закономерности. Струве, искажая исторический материализм, рассматривал общественную закономерность вне связи с деятельностью и борьбой классов в обществе. Закономерность в обществе в представлении «легальных марксистов» — это стихийное движение экономических сил, откуда проистекает непреодолимость капитализма. Вмешательство рабочего класса в стихийный исторический процесс излишне.

Экономический материализм в руках буржуазных социологов стал теоретическим средством опoшления и искажения марксистской социологии. Ему следовали ревизионисты и оппортунисты. Методология экономического материализма, разделяемая

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 309—312.

⁷⁸ Там же, с. 353.

⁷⁹ Там же, с. 460.

«экономистами» в лице С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой, а также так или иначе меньшевиками, являлась исходным пунктом их реформистских взглядов. Она нашла свое выражение в абсолютизации стихийности при рассмотрении исторического процесса.

Проблема стихийности и сознательности в рабочем движении приобрела жгучий характер. Она имела не просто теоретический интерес, но была практически связана с рабочим движением 900-х годов. Мы кратко остановимся лишь на методологической стороне этого вопроса.

«Экономисты» были сторонниками фаталистического взгляда на исторический процесс, в котором, по их утверждению, всегда существуют слепые, стихийные экономические силы, действие которых предотвратить или изменить с помощью рабочего движения невозможно. Вот типичное рассуждение теоретика «экономизма» С. Н. Прокоповича в его книге «К критике Маркса»: «Материалистическое понимание истории считает производственные отношения базисом, а борьбу классов надстройкой. Поэтому положение научного социализма, что рабочее движение уничтожит капиталистический строй общества, противоречит материалистическому пониманию. Но если мы и допустим обратное воздействие надстройки на основание, то в силу одного этого допущения мы не можем признать изменение производственных отношений целиком следствием классовой борьбы. На изменение производственных отношений влияют также экономические и технические причины. Социально-политическая деятельность всех классов общества может совершенно замереть или еще не пробудиться, а экономический процесс будет идти своим чередом, хотя, быть может, в несколько ином направлении, чем при развитой социально-политической деятельности».⁸⁰

Мы привели большую выдержку из книги Прокоповича лишь потому, что она является типичной для «экономического» направления социал-демократии, в ней дана как на ладони его социология и исходные методологические посылки для решения всех проблем рабочего движения.

Против искажения марксистской социологии «экономистами» выступил Ленин. В своей работе «Что делать?» он подверг критике теории стихийности «экономистов», подчеркивая, что вопрос о стихийности и сознательности в рабочем движении является одним из коренных вопросов революции, различное решение его исходит из различных методологических посылок.

Ленин показывает, что роль субъективного фактора — народных масс, рабочего класса, крестьянства, сознательного начала в истории — необычайно возросла. Исторической необходимостью является внесение социалистической сознательности в рабочее

движение. Соединение рабочего движения с социализмом достигается в борьбе с буржуазной идеологией и размежеванием с оппортунизмом.

В своей критике теории стихийности Ленин методологически исходит из марксистского решения вопроса о соотношении общественного сознания и общественного бытия, из относительной самостоятельности идеологии, из возможности не только отставания, но и опережения общественным сознанием общественного бытия. Прогрессивные, социалистические идеи опережают капиталистическую действительность, вносят в рабочее движение сознательность, мобилизуют рабочих для борьбы с капитализмом.

Ленин показал, что умаление «экономистами» роли сознания в общественной жизни означает, с одной стороны, непонимание активной роли социалистической сознательности для рабочего движения, а с другой — опасности влияния буржуазной идеологии на рабочий класс. Касаясь последнего, Ленин указывал, что идеология буржуазии гораздо старше по происхождению своему, чем социалистическая идеология, более разработана и обладает большими средствами своего распространения и к тому же имеет сторонников внутри рабочего движения — оппортунистов. Поэтому стихийность масс требует от социал-демократии массы сознательности. Всякое умаление роли социалистической идеологии означает тем самым усиление буржуазной идеологии, имеющей своей целью порабощение рабочих буржуазией. Ленин писал, что только тот достоин звания пролетарского идеолога, кто шествует впереди рабочего движения, кто руководит им, а не плетется в хвосте стихийного движения.⁸¹

Критика Лениным теории стихийности «экономистов», а позже меньшевиков (по вопросам организации партии и проблемам тактики в революции 1905 г.) имела исключительно важное методологическое значение в опровержении одного из важных принципов буржуазной социологии — стихийности общественного развития. Позитивизм в своих различных формах, как мы видели, в решении социологических проблем отправлялся от данного положения. От русского спенсеризма и неокантианства эта методологическая позиция тянулась к социологическим взглядам П. А. Сорокина, а также последователям Шпенглера. Теория стихийности составляла логическую основу социологических воззрений оппортунизма в его самых различных формах.

Большое значение для опровержения буржуазной социологии имела защита Лениным марксистского учения о государстве, его дальнейшая разработка и критика в этой связи взглядов буржуазных идеологов. Средо всей буржуазной социологии являлось отри-

⁸⁰ Прокопович С. Н. К критике Маркса. СПб., 1901, с. 174.

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 363.

вание классовый природы государства, искаженное представление о его действительных общественных функциях.

В предшествующих главах мы показали, что различные социологические направления (натуралистические, психологическое направления, позитивизм, неокантианство и др.) разделяли эту ложную позицию.

Еще в работе «Что такое „друзья народа“» Ленин, критикуя Скворцова, отмечал, что марксизм обязательно связан с признанием классового характера государства, в том числе современного.⁸² В полемике со Струве, для которого государство является «организацией порядка», призванной содействовать всеобщему экономическому прогрессу, Ленин, подводя итог марксистскому взгляду на государство, писал: «Говорить о нем, что оно „прежде всего (sic!?) организация порядка“ — значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса».⁸³

И в последующих своих работах, направленных против буржуазных идей о государстве, которые распространяли ревизионисты, Ленин раскрывает классовые истоки государства, обосновывает классовый характер его организации и политики, опровергая тезис буржуазных социологов о «надклассовости» государства.

Разделяя буржуазную концепцию государства, ревизионисты из месяца в месяц в журнале «Sozialistische Monatshefte» вели борьбу против Марксова учения о государстве. Так, например, ревизионист П. Кампфмейер утверждал, что «ядром всякой деятельности государства всегда является забота об определенных социальных интересах».⁸⁴ Реформист Е. Фишер заявлял: «Государство было во все времена желанным и признанным огромным большинством народа учреждением и потому не могло представлять господства и угнетения меньшинства».⁸⁵

В произведении «Государство и революция» Ленин подвел итоги марксистским воззрениям на государство, в своем анализе творчески развил весьма важные положения марксистской социологии по вопросу дальнейшей эволюции и исчезновения государственности в обществе. Книга Ленина направлена против ложных и превратных заключений буржуазной науки по вопросам государства и права. Буржуазные социологи и следовавшие за ними реформисты в своих взглядах и концепциях всегда усматривали в государстве вечную общественную организацию, средоточие культуры и социального прогресса. Работа Ленина имела большое методологическое значение для критики различных направ-

⁸² Там же, т. 1, с. 201.

⁸³ Там же, с. 439.

⁸⁴ Kampffmeyer P. Vom Einfluss des Staates auf das Wirtschaftsleben. — «Sozialistische Monatshefte», 1903, Bd. II, S. 492.

⁸⁵ Fischer E. Staat und Sozialdemokratie. — «Sozialistische Monatshefte», 1913, Bd. I, S. 168.

лений буржуазной социологии, которая всегда подчеркивала гуманную и цивилизаторскую роль государства в развитии общества, затушевывала или отрицала его классовый характер.

В заключение следует подчеркнуть, что произведения В. И. Ленина содержат в себе неоценимый методологический аспект для творческого решения проблем марксистской социологии и вместе с тем для критики буржуазной социологии и ее последователей из реформистского лагеря.⁸⁶

⁸⁶ Анализ методологических аспектов критики буржуазной социологии В. И. Лениным и его последователями после Великой Октябрьской социалистической революции рассмотрен в кн.: Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975.